

Литература, критика и искусство

ЗИНОВЬЕВЪ НА ПОКОѢ

Рис. Маг.

„Версты“

Еще один русский журнал за рубежом, — первая (и громадная) книга *Версты*. Просмотреть и опять взглянуть на нее. Да, плохо дело с нашими «новыми» людьми. Неудача, скучная и очень дурного тона книга. Что должно думать о нас культурный европеец, интересующий нас, знающий наш язык, понимающий всю страшную серьезность русских событий — и читающий подобную русскую книгу? Кто тот благодетель, тот друг «новой» России, который так щедро на нее тратит? И, что значит, — *Версты*? Верстовые столбы, что ли, то есть, опять «новья вѣхы»? И съ какой целью развешиваются они?

Редакторы — Святослав-Мирский, Сундлинг и Ефронь, ближайшее участие — Ремизова, Мариня Цвѣтковой и др. Дня Шестова. Что за нежелание, за беззаботность въ этой связи: Цвѣткова — Шестов! И какая дичина наша содержание журнала! Треть книги — перепечатки из советской печати. Остальное — несколько вещей Ремизова, поэма (*Пома торы*), Цвѣтковой, статья Турье о музыкѣ Стравинскаго, статья Шестова о Плотинѣ, несколько статей Святослав-Мирскаго, закъмъ, опять перепечатки из советской печати... и, наконец, ли съ того, ли съ его, *Житіе Протопопа Аввакума, или самъ написанное*. Что за чушка, и, вѣдь все это намъ предписывается?

«Мы, говорится въ программной статейкѣ журнала, ставимъ себѣ задачей объединеніе всего, что есть лучшего и самого нового въ современной русской литературѣ... Въ настоящее время русское общество самой России; оно есть особое и наиболее острое выраженіе современности. Нащербываясь подходить ко всему современному, *Версты* будутъ отзываться не только на явленія русской культуры, но и на иностранную литературу и жизнь. Что же касается пониманія нашей общественной жизни, то наиболее живыхъ и нужныхъ типичныхъ русскихъ современности, то, объединяя въ одномъ изданіи русскую поэзію, беллетристику, критику, биографію и литературныя матеріалы со статьями по вопросамъ философіи, эстетикѣ, русскому краевѣдѣнію и востоковѣдѣнію, мы устанавливаемъ одинъ изъ возможныхъ объединяющихъ подходовъ къ нашей России и къ русскому».

Вотъ, видите, каковы намеренія журнала, — выписывая его программу почти цѣлкомъ, выслушивъ всего пять строкъ изъ первого абзаца, ни въ какомъ отношеніи не выходя. Но, что можно сказать изъ этого набора словъ? Только одно: хотѣмъ собрать все лучшее русское, все наиболее-живое, лучшее... Однако, почему первая же строчка этихъ русифицированныхъ скверно звучащихъ русскихъ?

«Обединеніе всего, что есть лучшего и самого живого...» А заглавіе: весьма смелое тѣло, что все лучшее стремится собирать журналъ.

Итъ, у него есть, очевидно, другія. Какъ ни мало тѣмъ у его редакторовъ, все-таки видно, что дѣйствуютъ они не только по своему вкусу. И дѣйствуютъ прежде всего страшно по старинкѣ: эта смесь смѣшанности и едварности, это превращеніе до не безъ «слова» русской литературы въ лирическое и Бабелъ, рядомъ съ охланиемъ всей «старой», просто уже остервенѣло. Книга Протопопа Аввакума, конечно, всѣчески интересна, но зачѣмъ все-таки понадобилось *Верстамъ* печатать ее? Для приданія себѣ серьезной, культурной видности? Какъ всегда, очень интересенъ, Шестовъ. Но, чѣмъ его статья связана со всемъ прочимъ, что есть въ *Верстахъ*?

Вотъ перепечатки изъ советской печати. Прежде всего — зачѣмъ они теперь?

Русскія зарубежныя изданія, неизвѣстно, по какому праву, уже давнымъ давно такъ злоупотребляютъ ими, что смотрѣть тошно. А, кромѣ того, что въ нихъ вычлѣнъ много и новаго? Писарскаго, сценариста-польскаго или нарочно-раукабаста аррика Веснина извѣстна, переизвѣстна:

Но люблю я твой взоръ съ поволокой И лукавую кротость твою... Мнѣ въ лицѣ твоихъ свѣтелъ другая, У которой глаза голубень... Пусть она и не выводитъ кроткой, И, пожалуй, на видъ холодна...

Что тутъ, повторю, новаго, если включить дурное слово «голубень», что тутъ «самого лучшего, самого живого»? Очень неинтересно и очень надоевъ и Пастернак, о которомъ уже сто разъ успѣлъ сказать Святослав-Мирский: «вся прошлая русская литература — гробъ погребенный и вся надежда русской литературы теперь въ Пастернакѣ и Цвѣтковой!» Бабель тоже цѣнность и новинка, но вотъ въетъ какія. Вотъ, равнѣ, Сельвинскій и Артемъ Веселый? Но, и у нихъ — переизвѣстна, зеленая скуча.

А было Стендоръ двадцать годовъ, Онъ работалъ борца. У Трущину. Знался Бовой, носилъ шесть пудовъ, И не аналъ ни журбы, ни грусти. Но тутъ революція наперевѣзъ. Циркъ подумалъ и рухнулъ. Арбитръ съ насой махнулъ въ Бухаревствъ.

Директора выжили на муку... Такъ начинается необъяснимо нудная со всякими нарочно-хамскими вывертами и словечками, абыми, народными, «по нелю» Сельвинскаго о какомъ то Стендорѣ, который «заблудился» красноармейцемъ, и какъ таяется она безъ конца и безъ края. Да, не лучше и проба вырваться этого Сельвинскаго, замѣчательно, развѣ только тѣмъ, что въ нихъ вопросительные знаки раздѣляютъ иногда одно слово:

Ночь-ч? Сонъ? Прох? Завыда... Это, видите ли, дѣтская пѣсня, и тѣмъ пѣсень *Версты* перепечатаны въ-своёмъ штуръ, межъ тѣмъ, какъ не прочтешь, не вдохнувшись, даже и десяти строкъ этой чушки (да, еще начекапавая по большевикской орфографіи, какъ все въ *Верстахъ*). А потомъ цѣль Валеріи Артема Веселого, страницъ двадцать какого то сплошного ая, напечатанного съ такимъ типографскимъ распуханиемъ, которое даже Ремизовъ никогда не снискало на страничку хочеться выорутъ — такими пирамидами, водопадами, уступами, афишодобными лентами напечатаны на ней штуръ, вродѣ, напиримѣр, слѣдующихъ: «Бра, Бра, Бра, Бра. Бра съ яроны въ мысомъ, съ шерстью... Что это сначить, и кого теперь удивишь этимъ?»

А ужъ про Ремизова и Цвѣткову и говорить нечего: тутъ любой дурочекъ за на тачокъ угадаетъ, что именно дать въ соитій, въ тысячный разъ, Ремизовъ на счетъ Николая-Чудотворца и Розанова и, чѣмъ опять блеснула Цвѣткова:

Красной ли дносъ, ли въредъ Не златно дны, — жаждутъ они въ своей позмѣ и продолжаться: О, далеко не азбучный Рай сквознякомъ сквозящая... Гора, какъ сводилъ святости, Указывая: здѣсь... Та гора была, какъ горбъ Арсака, титана стонущаго, Той горой будетъ гордъ Герой, гдѣ съ утра до ночи мы Жизнь свою, какъ жару, бьемъ. Страницы не быть упростуемъ. Наравнѣ съ жидовскими вромъ И двенадцатью апостолами...

А рядомъ съ Цвѣтковой старается Святослав-Мирский: въ десятый разъ дублируетъ, повторяетъ почти слово въ слово все

то, что пишется о насъ въ Москвѣ, надѣля насъ самыми глупыми, черными пошлостями на распухенный языкъ ушныи жителями кичками и опредѣленіями... Хотѣли сказать, узналъ и изъ этихъ *Версты*, что «генеральный» Бѣлый написалъ новый романъ и, какъ именно, написалъ онъ его. Вотъ и несколько образчиковъ:

— Заводили дожди. И спесивый въ свистъ деревень не слышася: лѣтъ подвѣсны; черные розсыли тѣлѣсти тѣлѣи морсаями; и коротыла деньги, протѣивал...

— Пальцы дергунчики выбарабивали дурандишники... Лизашка откинулася, съ грудкою, вовсе не грудкою, и не большаго ростока... Прическа — куртипочка; вся — толстотушка... Груды ея были — триночки; ножки ея были пальчики; только животикъ казался бы дутымъ арбузикомъ...

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Ив. Бунинъ.

Р. S. Мнѣ пишутъ, что нѣкоторые сотрудники журнала *Своими Путиами*, обвиняя на меня за то, что я въ своей заметкѣ о немъ употребилъ (хотя и вносясь) слово «комсомольцы». Но вѣдь это слово, конечно, относилось только къ остривавъ изъ отряда «Цапля» и къ тѣмъ, которые ихъ одобряютъ. Прочимъ я могу только посоветовать не быть ихъ попутчиками.

P. P. S. Когда предыдущія строки были уже написаны, я прочелъ въ воскресномъ номерѣ «Возрожденія» письмо М. Тишана, который тоже съелъ себя оскорбленнымъ мною. Очень сожалею, что невольно причинилъ неприятность и ему, равно какъ и всѣмъ, кто оказался рядомъ съ «Цапелъ» случайно, по неосмотрительности.

И. Б.

ЛЕОНИДЪ ЛЕОНОВЪ. ДЕРЕВЯНАЯ КОРОЛЕВА. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Петр-дъ МСМХХV, стран. 69.

Романтическая попытка раскрыть таинственное бытіе созданныхъ нами вещей, каждаго изъ нихъ, для романтика жинилъ, живя въ непонятной и странно реплетюющей ея нами бытвомъ — явленіе въ литературѣ, конечно, не новое.

Особенно, часто оудуемъ въ предметъ нашихъ игръ — игрушки, карты, шахматы т. е. т., реальное бытіе коихъ нами какъ то молчаливо признается — до того, что мы приписываемъ имъ силу вліянія на нашу собственную судьбу (гаданіе на картахъ).

Поэтому, три престелстныхъ разсказа Леонидъ Леоновъ *Деревянная королева, Вупновы вазелъ и Вашиа кулла*, собраніи въ рецензируемой книжкѣ — не представляютъ ничего особенно оригинальнаго.

Не нова уже самая мысль воспользоваться, какъ сюжетомъ, царственной игрой, многообразіе которой дѣлаетъ ее, какъ буд то бы символомъ бытія вообще; у писателя шестидесятихъ годовъ Д. Ахшарумова имѣется преславный романъ *Перло*, гдѣ герой нѣкто Миллеръ, подобно леоновскому Извънову, влюбляется въ шахматную королеву (любимое совпаденіе! И въ томъ, и въ другомъ произведеніи — королева — мертвая). Вѣность здѣсь, однако, лишь сюжетная. Стилистически реальная фантастика Ахшарумова дѣлаетъ личное общаго съ импрессионистическимъ романтизмомъ Леонидова. Стиль послѣднего связанъ съ А. Вильямъ (но не романтизмомъ, а раннимъ авторомъ Сямоиной) и, конечно, съ оптомъ и нитрономъ всего современнаго романтизма — Эрнестомъ Теодоромъ Гоффманномъ. Мечтательный шахматистъ Извъновъ персонажъ чистого гоффманнскаго, а бышей, словно пережаренная лихорадка, бредовой лѣтъ смѣшанныхъ воспрійтій жиния обычной и потусторонней существа, конечно, облаяетъ пристальному и внимательному чтенію твореній нѣмецкаго художника.

«Стало вдругъ необычайно хорошо — не потому ли вдругъ оборвалось ждѣное бурьянное самовара? И званивъ емо тихій женскій смѣхъ, пробѣжалъ по копытамъ и вбѣжалъ въ ухо Владиміра Николенича... Онъ ясно видѣлъ, какъ перебѣжалъ на 77, 90, передалъ хотѣвъ черная королева крошечную записку бѣленькому чужьому офицеру... И еще видѣлъ: закачалъ все, и за шельками складками ко ролевина платья, спрятались испуганно толкая ея точная руку, едущуюсь, вадругу и замерло какъ...»

«...Взамахомъ бѣлымъ рукамъ въ окномъ оборвалась флейта, и снова, унаыи и одинокой, затянулъ пѣсно самоваръ. Только двѣ вѣици и запомнилъ тогда Владиміръ Николаевичъ: глаза королевы своей, быстрые... и второе: фигуры на доскѣ опаздали развѣтленными именно... Ну, да. Это было необходимо — Владиміръ Николаевичъ ясно своими глазами видѣлъ то, о чемъ не мечтавъ Стевниці и не смѣлъ предполагать Андреевъ. Это было неслыханно, чѣмъ самымъ пскрѣпящій, ввезало, какъ водопадъ, тамбѣтъ Эванса. То бы до неувѣстой еще въ игрѣ положене офицера и королевы...»

Здѣсь — налицо и внутренняя музыка, ибиная, какъ меланхолическая, что аккомодировать странному приключенію Извънова, и подлинное оупщеніе ипыбнтія, и романтической голубой туманъ, который, таинственно смѣшивается Сутее съ Неувѣстностью, дѣлая сны удивительные яви...

Поэтому то, *Деревянная королева*, несмотря на свою тематическую неоригинальность — побѣда молодого автора, не напрасно считаемаго крупнейшимъ объединителемъ нашей новой литературы.

Два другіе разсказа слабѣе: выдумавъ здѣсь болѣе самостоятельна, но они не брезжатъ «дѣланы», и лишены убѣдительности и чарованія *Деревянной королевы*.

Владиміръ Надашевъ

А. РЕННИКОВЪ. За тридцать земель. К-во М. А. Суворина. Бѣлградъ. 1926 г., стр. 290.

Куда только ядъ занесла русскихъ людей развѣтвилась на Роднѣи смута! Америка, Африка, Азія поэны русскихъ колоній — уны, не колоній въ томъ смыслѣ, какъ англійской колоніи является Индія ил французской — Мадагаскаръ, а бѣженскихъ поселковъ, въ значительной части весьма бѣдствующихъ.

Книга А. Ренникова изображаетъ русскую жизнь — въ Африкѣ, Черному морю, его различнымъ частямъ, посвященныя все ея страницы. Авторъ основательно ознакомился съ жиннымъ бытомъ и даже подчасъ приводитъ отрывки негритянскихъ пѣсень — къ сожалѣнію, не снабжая ихъ переводомъ.

Главный герой, Павленковъ, русский морякъ изъ Визерты, отправляется по приглашенію своего дяди въ Бомбей. Но по дорогѣ увлечается русской дамой, дѣдушкѣ въ Абиссинію, и въ Джбути везетъ свой билетъ и остается — чтобы тутъ же совершенно разочароваться въ своей красавицѣ (женскіе типы вообще, кромѣ развѣ одной американки, изображены не въ особу пріятельномъ свѣтѣ въ этой книгѣ...)

Но ничего не подѣлаешь — приходится оставаться въ Абиссиніи. И тутъ передъ читателемъ быстро проходятъ разная черта абиссинскаго быта.

Герой жинется на абиссинкѣ Манешѣ, которая имъ спасена отъ полиціи, обвинившей ее въ кражѣ, но въ концѣ концовъ, становится лицомъ чужаку въ Красноый морѣ, а затѣмъ увязаетъ въ Конго.

Тамъ другой герой, любовный Хлестаковъ, Пам Ухачевъ, ставъ возмуже негритянского племени. Но ему не по нуру среди черныхъ, и пользуясь случаемъ, онъ сбѣгаетъ отъ своего племени и отъ черной жены, и становится надсмотрщикомъ на алмазныхъ копяхъ, у бельгийцевъ. Онъ схватываетъ Турину, позолотельнаго героя жини, который вѣдетъ обратно въ Европу, чтобы посвятить себя антибольшевикской дѣятельности.

Въ концѣ копцовъ, Павленковъ приѣзжаетъ въ Конго, съ отцомъ Ухачева, а тотъ собирается жениться на молодой американкѣ, миссъ Делли.

Но въ этой книгѣ дѣло не въ фабулѣ, а въ бытѣ.

Читаешь эти описанія и думаешь: и куда только не занесетъ теперь русскаго человека! Особенно въ наше время, когда въ Франціи назрѣваетъ безработица, много Гіе, вѣроятно, прочтуть эту книгу — и съ драматическими цѣлями, чтобы посмотреть, какъ живетъ «за тридцать земель», въ странѣ Менелика или въ бельгийскихъ колониѣхъ, сообразить, куда сбѣддетъ и, куда не сбѣддетъ вѣхать...

Авторъ въ этомъ отношеніи выдвигаетъ весьма опредѣленную мораль: сбѣддетъ очистить Родину отъ полонившихъ ее враговъ, и тогда все эти Абиссиніи, Цейлоны, Конго, Параван, снова станутъ просто «экзотикой»...

Книга написана живо и читается легко.

Sol.

ПРОФ. А. А. РЕДЛИХЪ. Гигіена материнства. Изд. «Врачъ», Берлинъ. 1926 годъ.

Недавно вышла въ свѣтъ книга проф. Редлиха *Гигіена материнства*. Научно-популярный характеръ жини выставляется здѣсь особенно ее отчетливо. Популяризація медицинскихъ знаній представляется всегда болыи трудностями. Съ этой задачей авторъ справился чрезвычайно удачно. Своимъ удобопонимнымъ популярнымъ изложеніемъ, очень тонко и съ большимъ тактомъ, авторъ разъясняетъ теоріи менструаціи, ачаціи, беременности и родовъ. Обрисовавъ физиологію, авторъ достаточно полно для читающаго культурнаго человека, излагаетъ кратко и патологію женской половой сферы. Правильное знакомство съ физиологіей, гигиеной и дѣтеной женщины, въ периоды ея высшей ачаціи бытъ матерью, является настоятельно необходимымъ и для русской женщины, столь осѣбдомленной въ литературѣ, искусствѣ и въ прикладныхъ знаніяхъ, но тѣмъ не менѣе, часто высказывающей взглядъ, взяты изъ источниковъ, лично не имѣющихъ общаго съ медицинскою наукою. Книга снабжена удачно подобранными, облегчающими чтеніе текста, рисунками. Авторъ, какъ самъ онъ пишетъ, дѣлаетъ попытку отвѣтить на вопросы интеллигентныхъ женщинъ, мы же можемъ сказать, что онъ выполнилъ свою задачу съ большимъ умѣньемъ и дидактическимъ талантомъ.

В. Я.

— Подумайте, это человекъ, который столько лѣтъ раздувалъ мировую жару!

Театръ и Музыка

ГАСТРОЛИ Н. НИКОЛАЕВОЙ

Въ мюзикъ-холлѣ Елисейскихъ Полей начались выступленія извѣстной примабалерины Московскаго Большаго театра Надежды Николаевны. Артистка выступаетъ въ новомъ балетѣ «Мѣсть боговъ», музыка котораго написана французскимъ композиторомъ Каду, а сюжетъ либрето заимствованъ изъ интересной индусской легенды. Постановка балетъ принадлежитъ Н. Г. Легату. Она очень эффектна. Роскошные костюмы, стильныя художественныя декорации.

Г-жа Николаева — ученица Легата. Въ технику классическаго танца она достигла исключительнаго совершенства. Послѣ отъѣзда изъ Россіи артистка работала нѣкоторое время въ антрепризѣ Дягилева, въ Монте-Карло, а послѣдніе три года съ большимъ успѣхомъ выступала съ Н. Г. Легатомъ въ Лондонѣ.

Партнеромъ г-жи Николаевой въ «Мѣсти боговъ» является извѣстный артистъ Мариньскаго театра Анатолій Обуховъ. Онъ дѣлаетъ успѣхъ своей талантливой партнерши.

РЕДАКЦІЕЙ «ВОЗРОЖДЕНІЯ» ПОЛУЧЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ ДЛЯ ОТЗЫВА:

Вѣстникъ желтодорожниковъ (съ предисловіемъ «Вѣстникъ фашизма»). Жюм. 1—6. Харбинъ, 1926 г.

Русская нѣла за рубежомъ. Книга 19—20. 1926 г. Прага. Стр. 238.

Ж. Кессель, Любовь авіатора. Романъ. Пгд. «Ориентъ». Рига. Стр. 118.

Л. М. Суворина. Съедини русской исторіи. Младшіи курсы. Часть 1. Новый Садъ, Югославія. 1926 г. Стр. 111.

А. Букинъ. Стихотворенія. Парижъ. 1926 г. Стр. 69.

Въ мѣрѣ искусства и литературы

ФРАНЦІЯ

Въ издаваемой Грассе серіи монографій о писателяхъ древности, послѣ «Платона» Абеля Эрмана, появляется осебно «Пронерпій» Юльена Бенда и «Гораций» А. Дюну. Въ дальнѣйшемъ ожидается: «Плутархъ» Тристана Бернара, «Светлості» Анри де Релье, «Перрони» Абеля Эрмана, «Катуллъ» Анри Ривуара. Аббатъ Бремонтъ обѣщавъ написать о Виргиліи, Анри Вурдо объ Овидіи, а извѣстный историкъ, академикъ Г. Жюльианъ о Цезарѣ. Для этой же серіи обѣщавъ сотрудничество Робертъ де Флерезъ и Пьеръ де Нольякъ.

Вышелъ новый романъ Жана Жироду *Первое исчезновеніе Жерома Вардини*.

Газета *Комедіа* сообщаетъ, что извѣстныя франціи французскій публицистъ, авторъ не такъ давно вышедшей односторонней *Исторіи Франціи* и постояннаго сотрудника *Акціонъ Французскъ*, Жакъ Вовилье, можетъ быть, будетъ отлученъ отъ перки. Онъ навлекъ на себя гнѣвъ Римъ тѣмъ, что взялся редактировать въ изданіи *Друзей Книги* собраніе романовъ и разсказовъ Вольтера.

Въ серіи *Кайдъ Ивоа* (изд. Кра), вышелъ романъ Эммануэля Жалу *Заблужденіе*.

Въ издательствѣ *Сирена* вышелъ третій томъ *Мемуаровъ* Казаювы съ историко-критическими комментаріями.

Пьеръ Макс Ордавъ жинетъ сейчасъ въ Врестѣ, гдѣ жинетъ писателемъ своего новаго романа *Набережная тумановъ*. Въ послѣднемъ номерѣ *Ревю де Пари* напечатана его очеркъ о Врестѣ.

Въ *Ревю де Франс* печатается первая часть новаго романа Роланда Доржелеса, подъ названіемъ *Paris*.

Въ журналѣ *Корреспонданс* напечатанъ подробный разборъ съ богословской точки зрѣнія романа Жоржа Вернона *Подъ сѣнью Сатаны*, о которомъ недавно въ *Возрожденіи* была напечатана большая статья.

А. Н. Бенуа

А. БЕНУА РАБОТАЕТЪ НАДЪ ФИГАРО

А. Н. Бенуа, приступая къ работамъ надъ постановкой комедіи Бомарше *Женитба Фигаро*, вотъ что говоритъ о своихъ поста новочныхъ планахъ:

«При постановкѣ комедіи Бомарше менѣе гораздо болыше интересуютъ и захватываютъ работа режиссера, чѣмъ декоратора. *Женитба Фигаро* — комедія словъ, чувствій, ситуаций, интересъ въ ней и социальный вопросъ, чрезвычайно острый для того времени. Поэтому и поставитъ ее надо такъ, чтобы социальный вопросъ остро выявлялся.

Въ декорации же вообще не хочу создавать эффектныхъ картинъ, а предлагаю дать фонъ, который будетъ способствовать настроенію каждаго акта. Въ декорацияхъ не будетъ создано чего-либо либериспанскаго, такъ какъ комедія сама по себѣ не испанская, а французская, и написана специально для Франціи, въ порядкѣ обличенія, и острее ее направлено на французскіе нравы прошлаго. Все испанское вліяніе лишь какъ маска.

Хотѣлъ привлечь и Моцарта, но пока все это еще въ проектѣ, отъ этого соблазна убеждать невозможно, такъ какъ музыка современна Бомарше даже все то, что для комедіи нужно, а если создавать что-либо специальное, то боюсь, что ничего путнаго изъ этого не выйдетъ. Исполнять декорации будетъ В. М. Бѣлкинъ. («Веч. Красн. Газ.»).

Извѣстная оперная пѣвица Е. А. Садонь приглашена на весь итальянскій сезонъ въ Каиръ. Туда же приглашенъ выступавшій недавно въ Парижѣ въ *Сказаніи о невѣдомомъ крадѣ Китчевъ*, теноръ А. Веселовскій. 27-го августа Е. А. Садонь выступитъ въ Остенде въ партіи Карменъ.

БЕЛГІЯ

Клубъ бельгійскихъ писателей постановилъ отнѣсти особому собранію посвященному въ этомъ году десятилѣтню годовщину смерти Эмиля Верхарна. Праздъ поэта будетъ перенесенъ на его родину, въ деревушку Сентъ-Аманъ на берегу Весо.

Въ 1917 году одинъ годеродкой годовла въ окрестностяхъ Кома подорвалъ король Альбертъ островъ Комачина. До сихъ поръ этотъ островъ оставался безъ употребленія. Теперь министръ народнаго просвѣщенія Голамсъ рѣшилъ построить на островѣ виллу для пользанія писателей, художниковъ, музыкантовъ, артистовъ и т. д., дѣлающихъ пророки время въ Нидри. По соглашенію съ королемъ, островъ Леонъ Комачинскій выдѣланъ на Комачину, чтобы организовать постройку виллы. Въ виду затруднительнаго финансового положенія правительства, рѣшено, что писатели и художники сами соберутъ необходимыя средства. Для этого будутъ учинены въ продажу ихъ произведенія, цѣнность въ 500.000 фр. Островъ будетъ управляться самими артистами.

Большая премія за лучшее критическое произведеніе (10.000 фр.), впервые присужденная въ этомъ году, досталась христіанско-королевскимъ музеямъ Фиренсъ-Гезарту за исследование о герцогѣ Беррийскомъ и о фламандскомъ некуе гтѣ.

Въ издательствѣ *Сирена* вышелъ третій томъ *Мемуаровъ* Казаювы съ историко-критическими комментаріями.

Пьеръ Макс Ордавъ жинетъ сейчасъ въ Врестѣ, гдѣ жинетъ писателемъ своего новаго романа *Набережная тумановъ*. Въ послѣднемъ номерѣ *Ревю де Пари* напечатана его очеркъ о Врестѣ.

Въ *Ревю де Франс* печатается первая часть новаго романа Роланда Доржелеса, подъ названіемъ *Paris*.

Въ журналѣ *Корреспонданс* напечатанъ подробный разборъ съ богословской точки зрѣнія романа Жоржа Вернона *Подъ сѣнью Сатаны*, о которомъ недавно въ *Возрожденіи* была напечатана большая статья.

Въ послѣднемъ номерѣ журнала *Империумъ Ревю* напечатана статья проф. Чарльза Сарова, озаглавленная *Поискъ и Бернардъ Шоу Жанну д'Аркъ*

АНГЛІЯ

Скончавшійся на дняхъ писатель Израэль Зангвиль съжалъ себѣ славу, главнымъ образомъ, своими очерками жини ни тѣто, въ которыхъ наиболее извѣстны *Дни Гетто*. Зангвиль былъ виднымъ дѣятелемъ сіонизма. Кромѣ романа, онъ писалъ и драмы, которая до послѣдняго времени жини въ лондонскихъ сѣнахъ. Его послѣдній драмъ — *Чужестранный* — содержала рѣзкую критику болшевиномъ.

15. VI. 1926.

Збраславъ.

Ант. Флоровскій.

Въ этомъ публицистическомъ